АНДРЕЙ ЛИСЬЕВ

КОПЬЕ

ПРОЗРЕНИЯ

Часть сборника: Русская фантастика – 2018. Том 1 (сборник)

Андрей Лисьев
Копье прозрения

«ЭКСМО»

2018

Лисьев А.

Копье прозрения / А. Лисьев — «Эксмо», 2018

«Ах, если бы деревья могли мурлыкать от удовольствия! Неяркие, но еще теплые лучи осеннего солнца заливают опушку, листья кажутся золотыми. Где-то вдалеке слышится будто стук копыт, словно невидимая кавалькада несется через лес. Это перестукиваются дятлы. Неслышно крадусь на звук, наступаю на ветку, пугаюсь хруста и прячусь за стволом широкой сосны. Авось не заметит. Дятел замирает на миг, но снова начинает стучать. У меня достаточно зоркие глаза, чтобы искать грибы, но я недостаточно остроглаз для охоты на птиц. Но я вижу, как на вершине сухой тощей сосны мелькает черный хвост. Стук раздается оттуда. Сейчас я обойду сосну по кругу и наконец увижу пеструю шапочку. Опускаю глаза к земле, чтобы видеть, куда ступаю, моргаю... Стук прекращается... Черный хвост исчезает, словно и не было его. Отец фыркает, как лошадь. Не поднимая глаз, я рассматриваю его сапоги, жду...»

© Лисьев А., 2018

© Эксмо, 2018

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Андрей Лисьев

Копье прозрения

Глава 1

Ах, если бы деревья могли мурлыкать от удовольствия! Неяркие, но еще теплые лучи осеннего солнца заливают опушку, листья кажутся золотыми. Где-то вдалеке слышится будто стук копыт, словно невидимая кавалькада несется через лес. Это перестукиваются дятлы. Неслышно крадусь на звук, наступаю на ветку, пугаюсь хруста и прячусь за стволом широкой сосны. Авань не заметит. Дятел замирает на миг, но снова начинает стучать. У меня достаточно зоркие глаза, чтобы искать грибы, но я недостаточно остроглаз для охоты на птиц. Но я вижу, как на вершине сухой тощей сосны мелькает черный хвост. Стук раздается оттуда. Сейчас я обойду сосну по кругу и наконец увижу пеструю шапочку. Опускаю глаза к земле, чтобы видеть, куда ступаю, моргаю... Стук прекращается... Черный хвост исчезает, словно и не было его. Отец фыркает, как лошадь. Не поднимая глаз, я рассматриваю его сапоги, жду.

– В другой раз, – обещает отец.

Я осмеливаюсь посмотреть ему в лицо. Морщинки в уголках улыбающихся глаз над широкими скулами – единственный признак возраста. Мой отец, князь Дмитрий из рода Друцких, правитель Велижский, берет меня за руку, как маленького, и мы углубляемся в лес. На отце темный охотничий костюм, ткань добротная, выделана тонко. Его мягкие кожаные сапоги ступают бесшумно.

Я самый младший в семье, Юрий Дмитриевич Друцкий. Род наш многочисленный, старшие князья владеют богатыми землями южнее, близ Днепра и Березины. Мой отец тоже был самым младшим, вот ему и достался в удел болотистый край на Севере, в верховьях Двины. Мне четырнадцать лет.

– Жалуется на тебя Стефан, говорит, что ворон считаешь, ленишься рубиться мечом, – говорит отец.

Я с опаской разглядываю двуручный меч, который висит за спиной отца огромной рукоятью вверх. Моих ладоней нужно четыре, чтобы взяться за нее. А поднять?

– И братья твои так же мыслят, за то и дразнят тебя книжным червем. Много чего прочел?

Я пытаюсь уловить издевку в словах отца, но издевки нет. Отвечаю, все еще робея:

– Обе.

Кроме Библии, в нашем замке есть только две книги – «Поучение Мономаха» и «О Тристане и Изольде».

Отец кивает.

– Хочу, чтобы ты и дальше учился. Книжник и одновременно человек меча – это будет неплохо. Для того я вызвал тебе учителя. Он не смерд, хоть и не шляхтич. Они с женой пришли к нам тому несколько лет назад, с болота. Когда татары набегали, – ты мал был, не помнишь, – Савелий помог нам на болотах укрыться, на руках тебя нес. Я пустил их пожить, в благодарность. Старуха знахаркой оказалась, крестьян наших лечила. Год как померла. Сам Савелий – лесной человек, сейчас увидишь.

– Почему лесной?

– Леса не боится. А еще он слов знает больше, чем мы все, вместе взятые. Прислушайся. Шаги слышишь?

– Нет.

Из леса появляется человек, совершенно седой, но лицо его не выглядит стариковским. Оно словно пеплом припорошено, а я не могу оторвать глаз от рук, в которых он теребит шапку, здороваясь. Пальцы кривые, темные, одной масти с костяной рукояткой ножа, что висит у Савелия на плетеном поясе. Тщательно выделанный пояс тот делает его широкую фигуру по-шляхетски статной. Одет же он по-крестьянски. Льянная, бывшая когда-то белой рубаха почти целиком прикрыта плотным зипуном, от древности ставшим коричневым. Савелий подходит к нам неспешным шагом, лапти по земле ступают бесшумно. На отца он смотрит, почтительно склонив голову. Разговор первым не начинается.

– Савелий, я хочу, чтобы ты обучил этого отрока лесной науке, – говорит отец.

Савелий испытующе смотрит на меня темными глазами, исподлобья.

– Не плутать научишь, грибы покажешь, ягоды, травы всякие, – продолжает отец, и я слышу в его словах не приказ, просьбу.

Косматые брови Савелия ползут на лоб.

– Заодно за парнем присмотришь.

Видно, что отец чего-то недоговаривает, и потому Савелий недоуменно смотрит ему в глаза, но ничего не спрашивает, переводит взгляд на меня, молчит.

– Ты на моей земле живешь! Я твои условия выслушаю. Завтра, может быть... А пока за грибами его возьми, – с напускной строгостью продолжает отец и указывает рукой на опушку. – Туда идите! Охота близко.

Мы с Савелием отходим. Батя разминает ноги, извлекает из-за спины меч и несколько раз рассекает прозрачный осенний воздух. Он ждет загонщиков, это братья, соседи, челядь – все на лошадях. Они и псары с собаками где-то по лесу уже гонят сюда зверя. Отец не знает, что за зверь выскочит на него из лесной чащи, для князя это сродни испытанию. Но я знаю: батя встретит любого зверя как положено. Сучья трещат, на поляну вываливается огромный вепрь. Подслеповатыми глазами он оглядывает округу, замечает неподвижную фигуру отца. Во всей нашей земле никто лучше князя не владеет двуручным мечом, я не боюсь за отца. Единец пятится. Поет рог – охотники близко. На тяжелых конях они ломятся сквозь лес, как и вепрь, ничуть не заботясь о тишине. Кабан рывком бросается на отца. Князь ловким, как в танце, движением уворачивается от клыков и опускает меч на поросшую жесткой щетиной холку. Раздается мерзкий хруст. Разрубленный почти надвое вепрь валится вперед, его кровь хлещет отцу под ноги. Князь отступает, высоко поднимая ноги, чтобы не испачкать дорогие сапоги, и ворчит:

– Эх, на вершок, а промахнулся!

Я спешу похвалить отца:

– Батя, вот это ты его располовинил!

– А хотел-то голову срубить! Теряю ловкость.

Вот бы мне так уметь! Я не могу оторвать от отца восхищенного взгляда. Савелий тоже смотрит на князя, но в глазах его равнодушие. Он замечает мой восторг, морщится:

– Не люблю охоты и не люблю собак.

Неожиданно Савелий замирает, словно пес в стойке. Что он учуял? Я тоже начинаю жадно шмыгать носом. Обычная лесная сырость, запах грибов, листьев, болота. И вот! Тонкий, чуть сладкий запах карамели. Через лес ломится кто-то большой, неуклюжий и пахнущий карамелью.

Охотники ближе, но из кустов на противоположной стороне поляны появляются не они, а лошадь.

Отец хохочет при виде неожиданной добычи. Убирает меч. Лошадь огибает отца, вепря и кровавую лужу по широкой дуге, спотыкается израненными ногами, роняет пену из пасти, трясет седой гривой. Словно по наитию, она находит меня и тыкается носом мне в грудь. Лошадь слепа.

Из леса выезжают загонщики, три моих брата с друзьями и челядью. Савелий невозмутим, его спокойствие передается мне. Свора собак беснуется, ищет жертву, но не решается наброситься. Савелий не реагирует, ему словно дела нет до собачьей ярости. Отец что-то говорит охотникам, но я не слышу его из-за хриплого лая. Наконец, псаря оттааскивают свору в сторону, укладывают на волокушу кабанью тушу. Охотники все как один подстрижены по последней итальянской моде: длинные волосы до самых плеч. Отец кажется лысым по сравнению с ними. Никто из всадников не заботится о неприметности в лесу, на многих яркие плащи, а кафтаны украшены если не драгоценностями, то кружевами.

– Отпусти конягу, малец! – командует брат мой Василий и подает своего жеребца вперед.

Они под стать друг другу – массивные, широкие. Василию всего двадцать один год, но его рыжая борода больше отцовской. На отца сердит, потому отводит глаза и ловкости старшего Друцкого не радуется. Василий Дмитриевич мечтает получить в удел Жижецк, единственный городишко в наших землях, где, помимо Велижа, есть замок.

– Охота пустая, так хоть эту тварь затравим, потешим собачек!

– В сторону отойди! – вторит старшему брат Богдан, самый из нас подвижный.

Ему уже девятнадцать, подбородок его гладок, зато Богдан носит усы. Мне кажется, что под носом брата торчит густая черная щетка, но он к усам относится трепетно и насмешек не спускает. Ему обещаны Усвяты, древний и захиревший городок, но Богдану мало, он выпрашивает у отца в лен местечко Узкое на Ловати. Батя и согласился вроде, но наследство не оформил пока, ждет чего-то. Потому волнуется Богдан Дмитриевич, и конь под ним нервный, не желает успокаиваться, все перебирает тонкими ногами.

– Не дам! – говорю я и вдыхаю карамельный запах гривы.

– Она же старая совсем, ее из милосердия кончить надо! Дурень ты, братец! – смеется Андрей, мой третий брат, которому еще рано назначать удел.

Мне тоже рано. Андрей Дмитриевич всего на два года меня старше, мы с ним похожи: оба русые, безбородые, длинношеие и худющие. «Ветер качает» – это про нас. Но Андрюша во всем удачливее меня. И в учебе, и в седле. Он уже на службе, был замечен польским ипатом – лихостью выделился.

– Нет! – отвечаю я.

Лошадь я им не отдам.

– Зря, что ли, гнали?

– Не позволю, и все тут!

– Тьфу! – сдается Василий, и братья разворачиваются.

Отцу подают свежего коня.

– За мной! – весело кричит князь. – Научу вас, сынки, охотиться!

Охотничья ватага направляется обратно в лес, теперь ее возглавляет отец.

Один из всадников отстает. Он немногим старше меня, высокий, худой и подвижный. Борода не выросла, бритая голова прикрыта круглой шапочкой, из-под застегнутой на груди накидки торчит черный воротник. Он хочет потеснить Савелия, но конь не слушается седока, пятится. Савелий стоит, как стоял.

– А ну, перекрестись, смерд!

Охотник выпрямляется в седле, потом наклоняется, словно пытается клюнуть Савелия в темя крючковатым, как будто сломанным носом. Я узнаю его. Это сын нашего соседа, боярина Романа, школяр Ян. Он учится в университете, а сейчас отпускное время, вот он и приехал домой. Помню, он задирает меня маленького, а сейчас делает вид, что не узнал.

Савелий глаз не прячет и напоказ широко крестится левым польским крестом. Вроде и смотрит без издевки, но что-то во взгляде серых глаз ярит всадника. Тот шипит ругательство и хлещет коня. Савелий смотрит ему вслед все тем же спокойным твердым взглядом.

Карамельная лошадка постепенно успокаивается.

– Отпусти ее, – велит Савелий, его взгляд полон тоски.

– И куда она пойдет?

С сожалением размыкаю руки. Савелий не отвечает, но я сам вижу, что слепая лошадь, спотыкаясь, бредет в сторону болота.

– Я возьмусь нянчить тебя, отрок, – говорит Савелий.

Я неожиданно этому рад.

* * *

Избушка Савелия стоит на отшибе, у самого леса. Изгородь украшена огромными бурными букетами папоротника, я с изумлением рассматриваю их. Похожие на перья гигантских птиц листья давно засохли, осыпаются.

– То старуха моя... – поясняет Савелий, указав на ограду. – Нечистую силу отваживала. Мы проходим к двери мимо низеньких яблонь-первогодок.

– На ту половину двора не ходи, – предупреждает дядька. – Там у меня пчельник.

Обутой в лапоть ногой Савелий сгребает пыль, разравнивает ее.

– Вот те первая задачка. Представь себя на крыше хаты. Сможешь двор нарисовать?

Дядька поднимает с земли и сует мне хворостину. Я послушно рисую квадрат избы, квадрат двора, баню, сарай, точками помечаю ульи и рисую маленькие деревца – яблони.

– Хорошо! – Савелий стирает мой рисунок. – Теперь нарисуй отцовские владения. «Прикол-звезда» – вверху.

Я шарю глазами по ясному небу, и Савелий приходит на помощь:

– Вон там она! Начни с реки.

Прутом вывожу кривую линию – Двина.

– Велиж обозначь кружком. Так. Мы где?

– Кто мы?

– Веска наша.

– Березуха вот здесь. – Я ставлю точку в верхке от Велижа.

– Эх хватанул ты расстояние! Ладно. Какие города отцовские знаешь? На каких реках?

Сразу рисуй. Ближайший?

– Усвяты на Усвяче.

Я ставлю точку и веду линию реки сверху вниз к Двине.

– Как далеко?

– Два дня пути.

– А за Усвятами что?

– Узкое на Ловати, – отвечаю и, не дожидаясь вопроса, уточняю: – Еще полдня по тракту через болота.

Я провожу еще одну линию снизу вверх, рядом с нарисованной.

Савелий морщится:

– Реки, пожалуй, не такие прямые. И в чем смысл двух таких владений рядом?

– Торговля, – как на уроке, отвечаю я, – по Ловати с Новгородом, по Двине с немцами.

– А самый дальний город?

– Жижецк, больше семидесяти верст до него.

Я, высунув кончик языка, старательно веду кривую извилистую линию Жижицы из правого верхнего угла рисунка к Двине.

Савелий щурит глаз, оценивает рисунок. Вроде доволен.

– Ладно, соседей опиши. Вот здесь кто?

Он лаптем показывает пустое место на земле справа.

– Князя Бельские.

– На юге?

– Родичи наши, Друцкие из старшего рода.

Молча дядька показывает на земли слева.

– Бояре Ильиничи, – называю я и указываю в пересечение Усвячи и Двины. – День по реке. А дальше великокняжеские земли.

– А в Жижецке у нас кто стоит?

– Гарнизон польского короля.

– Против кого стоит?

– Против Новгорода.

– Вот и ошибся! Новгород нынче московский князь Иван взял под свою руку. Ладно, хватит, идем в дом, я тебе киселя налью.

Хата бревенчатая, низенькая, пол земляной, чисто выметен. Потолка нет, из-под соломенной кровли со стропил в единственную комнату свешиваются связки грибов. Грибы сплошь белые. Они уже подсохли и пахнут! Я глотаю слюну.

– Ух ты!

Из кучи корзин за печью Савелий вытаскивает мне одну, а себе за плечи забрасывает кузовок. Все сплетено добротнo, ни кусочка лозы не торчит.

– Шапку свою здесь оставь, упаришься, – Савелий протягивает мне другую.

* * *

В лесу пахнет грибами и совсем не пахнет палыми листьями.

– Не показывай лесу нож! – учит дядька Савелий. Я аккуратно, чтобы ненароком не растоптать, становлюсь на колени перед подберезовиком и, прежде чем достать нож, украдкой оглядываюсь. Вон еще одна бурая шляпка, а неподалеку другая. Осень стоит солнечная, и шляпки грибов хорошо видны из-под листвы. Мой нож не такой, как у Савелия. У дядьки нож кривой, короткий, с потемневшей от времени рукоятью. Как пальцы хозяина. Прежде чем положить срезанный подосиновик в корзину, я вынимаю попавшие туда листья и укладываю гриб к грибу так, чтобы не мять шляпки.

Среди подберезовиков попадается незнакомый гриб, я наклоняюсь и щупаю его ножку двумя пальцами. Ножка мягкая, значит, поганка. Радуюсь своему чутью, кошусь на Савелия, но тот не обращает на меня внимания.

Не собранные вовремя опять разрослись лопухами и до человеческого роста украшают пни диковинными коричневыми цветами. Мы их пропускаем. Наша цель – сплошь благородные, сытные грибы.

Вот еще одна великолепная шляпка. Ножки опять не видать, но на сей раз я опускаюсь на колени, вынимаю из-за голенища кинжал, какой полагается шляхтичу, и уверенно режу ножку. Твердая! Угадал! Благородный гриб!

Между деревьями тянется полоска серых шляпок. Савелий наклоняется над ними:

– Моя Алевтина называла их «мышатами» и собирала маленькими. Во рту хрумкали. Хорошая была баба, все меня лечила. Теперь вот мне приходится в Витебск плыть каждый месяц. Там у жидов аптека есть хорошая. Не... Не собирай их. Старые. Они сразу после дождя уже червивые.

Что-то чернеет над травой, и я вновь присматриваюсь, наклоняюсь. Это обманка – бурый лист застрял в былинках, не смог упасть на землю и притворяется боровиком. Пока не потрогаешь – не поймешь, что ножки-то нету.

Чей-то недобрый взгляд обжигает сквозь кусты, я вздрагиваю, резко оборачиваюсь. Хищная фигура изгибается и теряется в листве.

– Савелий, волк! Смотри!

– Где? Не, княжич, стой, не паникуй раньше времени. Идем смотреть.

Мы крадемся, причем я укрываюсь за широкой спиной дядьки.

– Вот это? Коряга! Да, на волка похожа.

– Он смотрел на меня! – протестую я, уже понимая, что зря.

Дядька вместо ответа улыбается.

Савелий не носит оружия. Станный мужик, охоту вон не любит. Откуда он взялся?

Интересно, отец позволит ему меня наказывать?

– Савелий, а ты меня грамоте будешь учить? – решаюсь спросить.

Дядька смотрит на меня с недоумением. «Ведь монахи для того есть», – написано на его лице, но вместо этого он говорит:

– Не только. Вот ты прошел несколько одинаковых грибов.

Савелий срезает их.

– Я не знаю, съедобные или нет?

– А присмотришь!

Я смотрю на срезанные ножки.

– Червивые встречаются. А ты видал червивые поганки?

Дядька поворачивает ко мне шляпки:

– Вот! Некоторые шляпки погрызены. Значит, звери их тоже едят. А еще срезанную ножку можно лизнуть. Чуток совсем. Не бойся. Горько?

Я касаюсь кончиком языка места среза:

– Нет, не горько.

– Выходит, съедобный гриб.

– А называется как?

Савелий показывает на прилипшие к молодым грибам листья.

– Потрогай!

Я трогаю. Шляпки скользкие, словно в масле.

– Маслята. Их в этом году богато в лесу.

Савелий откидывает холстину со своей корзины, там сплошь маслята.

– Ты ж вроде берешь только белые?! – удивляюсь я.

– Так то ж разнообразие, – усмехается Савелий.

Я вслушиваюсь в диковинное слово.

Глава 2

Год спустя во внутреннем дворе замка тиун Стефан бьется на саблях со мной и братьями. Обязанности управляющего хозяйством он совмещает с наставничеством в ратном деле. Наши клинки стальные, но затупленные, учебные.

Андрей сражается с Василием. Старший брат за год стал еще толще, кожаный панцирь еле налез на него. Сейчас он стоит неподвижно, а Андрей скачет вокруг него, словно шавка вокруг бугая, и наносит хлесткие удары словно плетью. Всерьез Андрей не атакует, ждет, пока Василий выдохнется. Но тот силы бережет, ждет, когда у брата терпение лопнет.

Наш наставник Стефан – тиун отца, сабельному делу учит нас в свободное от поездок за obroком время. Он в сером длинном зипуне и шапке-венгерке. С перышком. Перо серое и красиво играет, когда Стефан смотрит на нас строго.

Мой противник – Богдан. Ему лень драться в полную силу. У брата характер переменчивый, хоть и не такой взрывной, как у Андрея, тот вообще порох! За год Богдана утратил интерес к военной службе и теперь донимает отца своими торговыми планами, один смелее другого. Василию тоже нет дела до урока, другим занята голова. Он невесту себе высмотрел, красотку из рода Бельских, только не торопится отец с нашими женитьбами. Один Андрей послушно отрабатывает упражнения, старается. Аж кончик языка высунул.

– Может, мы тебя, Юрок, в монастырь отдадим? – дразнит меня Богдан.

Стефан замечает его леность и резким ударом тычет меня тростью в живот:

– Шибче, Юрий Дмитриевич! Шибче. Выпад! – командует тиун и оборачивается к дядьке. – Савелий, чего уставился? Смешное что-то увидел?

Я, не сумев сделать выпад нужной глубины, валюсь на песок. Богдан изящным шагом назад уклонился от удара, даже не пытаясь отбить. Учитель фехтования фыркает сердито, но Савелий лишь пожимает плечами.

– Зря ты ему сабельку дал, отрежет себе чего ненароком.

– А что, ему батин двуручный меч сразу дать?

– Ну зачем же – сразу? Только парубок у нас долговязый, нескладный. Несподручно ему с длинными руками сабелькой махать.

Наступает тишина. Старшие братья прерывают урок, прислушиваются. Все выжидают, молчат. Я тоже молчу. По спине бежит струйка пота.

– Копье, – выносит вердикт Савелий.

– Ишь, советчик нашелся. – Стефан вырывает из моих рук саблю и запускает в Савелия.

Дядька уверенно отбивает летящий клинок палкой, сабля соскальзывает и втыкается в песок. Савелий и бровью не ведет, стоит себе, смотрит на качающуюся у его ног рукоятку. Только предательская бледность растекается по его лицу. Братья хохочут:

– Что, Савелий, испугался?

– Цыц! – рявкает Стефан, он тоже бледен. – Брысь в терем!

Братья галдят, но подчиняются. Савелий головы не поднимает. Смотрит на сапоги тиуна и медленно пятится к воротам.

– Странный у тебя дядька.

– Так ты его испугал? Взаправду?

– Испугал, говоришь? Не знаю я смердов, кто летящую саблю способен отбить. Четвертая!

Я снова встаю в позицию, но продолжаю думать о Савелии, который ждет меня за воротами.

Стефан не торопится, словно специально затягивает урок, и я боюсь, что Савелий уйдет, не дождавись меня. Наконец урок заканчивается, и я выхожу. Он ждет.

* * *

Мы минуем Березуху, к Савелию не заглядываем и углубляемся в лес. Идем долго, около часа, никакой добычу не ищем. Возле неприметной сосны Савелий жестом указывает сворачивать с тропы.

Здесь лес зарос толстыми березами. Они совсем старые и уже утратили белизну стволов. Кустов нет, и трава растет редко. Подберезовики под стать березам – гигантские, редкие, на широких ножках. Сразу набираю половину корзины. Равнодушный Савелий думает о чем-то своем. Я не мешаю.

Чем глубже в лес, тем сильнее корни деревьев подрыты кабанами, грибов тут точно не будет. Савелий ведет меня дальше.

За березами начинается редкий ельник. Вижу несколько крошечных белых, что растут рядком, словно сыроежки. Их я оставлю на следующую неделю – деток трогать негоже. Ельник густеет и темнеет. Земля покрыта мхом, запах которого заглушает все остальные запахи леса. Я пробую идти быстрее, но Савелий отстает и плетется сзади.

Мы выбираемся на ровную поляну, покрытую ярко-зеленой порослью.

– Стой!

Голос Савелия серьезен, и я подчиняюсь. Дядька нависает надо мной сзади.

– Княжич, а ты видел в нашем лесу ровные поляны?

– Нет, – отвечаю, подавляя смутную тревогу.

Дядька подымает с земли сук и швыряет его как можно дальше. Сук с сочным чавкающим звуком проваливается в траву.

– Топь.

Мы разворачиваемся и обходим «поляну» через бор, заросший папоротником. Грибов тут нет.

Дальше лес – темный, где нет ни травы, ни мха. Зато грибов! Полным-полно! То полянка подберезовиков, то полянка белых. В охотничьем азарте я не сразу замечаю, что лес напоминает поле боя. Повсюду валяются свежие березовые стволы. Густая хвоя елей застит солнечный свет.

– Что здесь случилось? – спрашиваю я.

– Ельник пожрал березняк.

– Это у них война такая?

– Нет. Неправильное слово, – морщится дядька. – Ели, они наследуют березам.

– А березы кому наследуют?

– Соснам. Лес всегда начинается с сосен. Им не нужна тень. Зато бор, когда разрастается, дает тень лиственным деревьям. А ельник рождается, когда тень от смешанного леса становится густой. От елей больше всего тьмы.

– А что после елей? Ели последние?

Савелий некоторое время думает.

– Иногда последние, а иногда белки приносят в лес желуди. И появляются дубы. Они и в лиственном лесу появляются. Вот дубы последние. Дуб соседей не любит и, когда разрастается, остается один. Соков земли не хватает другим деревьям. Все достается дубу. Как называется дубовый лес?

– Дубрава, – отвечаю я, как на уроке.

Дубрава есть за рекой, на землях моего будущего тестя. Да, и у меня в этом году появилась невеста. Зовут ее Зося, она младшая сестра Яна и тоже старше меня. Их отец, боярин Роман из рода Ильиничей, владеет Дречилукским уделом чуть ниже по реке.

Я вижу впереди упавшую ель, чьи острые сучья торчат в нашу сторону, будто копья, преграждая проход. Смотрю направо. Под прямым углом к первой там лежит еще одна ель. И слева еще одна. Сломанные ели повалены беспорядочно, тропы нет. Я смиренно ожидаю, что дядька возьмет меня «на ручки» и перенесет в безопасное место. На лице Савелия появляется досада, он молчит, сердится на самого себя. Раз мы зашли в бурелом, значит, дядька зевнул и пропустил нужную просеку. И что там за просека? Одно название. В деревне никто не помнит, когда ее прорубали и прочищали. Савелий мою немую просьбу не замечает, я стал в этом году тяжел, для того чтоб возить меня на закорках. Он достает из-за пояса топор и принимается рубить проход.

Мы идем дальше, и высокая густая трава достигает моей груди. Чтобы уберечь грибы от сора, я подымаю корзинку над головой, но трава вскоре понижается, превращается в яркую осоку. Под ногами чавкает, значит, близится болото. Грибов там точно не будет, и я тяну равнодушного Савелия в сторону.

Передо мной – пенек. Огромный распустившийся опенок задранной кверху шапочкой прикрывает второй гриб, поменьше, ко второму льнет ножкой третий, совсем крошечный. Отец, мать и детеныш. Я жалею, что не взял с собой пергамент, и вдруг понимаю, что яростно завидую Зосе, у которой есть мать. У меня матери нет.

За пнем мы находим не гриб, а отца Даниила, который стоит на коленях и срезает лисички. Нас он замечает, когда мы подходим совсем близко, и радуется. Щурит близорукие глаза, улыбается, как ребенок.

– Здравия тебе, княжич, и тебе, Савелий!

Настоятель велижского храма нашел время вырваться по грибы, и оттого от уголков его глаз бегут к вискам морщинки, лучики счастья.

– И тебе не болеть, – отвечает Савелий.

– Хороший день! – Батюшка хвастливо указывает на свою корзину. Разного размера благородные грибы завалены сыроежками и лисичками. Шляпка каждого крупного гриба разрезана надвое – батюшка не любит червивых.

Мы переглядываемся, Савелий снимает кузовок и словно нехотя откидывает холстину. Его маслята сплошь одинакового размера, без единой червоточинки.

– Тьфу ты, нечистая сила, – с беззлой завистью ругается отец Даниил.

Лицо Савелия идет пятнами, словно его ударили. Он отшатывается и накрывает кузовок холстиной. Батюшка ничего не замечает и обращается ко мне:

– Приходи ко мне в храм Библию читать, в субботу.

Я морщусь, но батюшка не отстает:

– Придешь?

– Мы же ее с тобой читали, отче. Там вряд ли что-то новое будет.

– Вот чудак человек, – наигранно удивляется батюшка и, словно актер, оборачивается то в одну сторону, то в другую, будто ищет поддержки у деревьев. – Разве Библию читают ради знаний? Ее читать надо, потому что она мысли в голове мнет, чтоб текли быстрее. Ты ж лик свой по утрам умываешь не для того, чтобы что-то новое в зеркале увидеть? Вот так и Библию надо читать. Приходи!

Он пробует отыскать взгляд Савелия, но дядька угрюмо смотрит в лес. Молчание затягивается. Наконец Савелий бурчит:

– Ты бы, отец Даниил, не ходил так далеко. Один и безоружный. Вот в прошлое полнолуние опять человек пропал. Волки, что ль?

– Я человек божий.

– И что? Бог тебе в топь жердю протянет?

Батюшка вместо ответа подымает глаза к небу.

– Ладно, бывай, отче, зайду, – обещаю я.

Мне вдруг становится жаль его, духовный отец как-никак. Батюшка кивает удовлетворенно и удаляется мелкими шагами. Я смотрю ему вслед, и одна мысль не дает мне покоя.

– А с чего ты так испугался его, Савелий?

– А чего обзывается?

Теперь мне ясно, что угрюмый невозмутимый Савелий на самом деле боится батюшку, как девица жениха на смотринах.

Савелий движется по лесу величаво. Он не кланяется веткам и не увертывается от торчащих сучков. Посохом отодвигает ветки и молодые деревья, попадающиеся ему на пути. Как бы ненароком я придерживаю упругую колючую лапку елки на уровне пояса Савелия, а когда дядька приближается, внезапно отпускаю ее. Дядька невозмутимо отражает ветку посохом и даже не бранит за шалость. Он задумался.

На опушке появляется звериный силуэт. «Кошка?» – собираюсь спросить я Савелия, но конфузливо проглатываю вопрос. Откуда тут кошка? Присматриваюсь – лиса. Маленькая, но толстая. Увидев нас, она снова прячется в зарослях.

В лесу становится теплее, вялые комары собираются вокруг нас, но им не хватает злости, я отмахиваюсь от них лениво. Крапива под стать комарам. Рыжая, пожухшая, она не жалит запястья, щекочет.

– Дядька Савелий, а почему в нашем лесу нет медведей?

– Почему – нет? Есть!

Савелий улыбается и показывает мне меховую кисточку на рукоятке своего ножа. Ею он очищает грибы от листьев и иголок, прежде чем положить в корзину.

– А почему мы их никогда не видали? – не отстаю я.

Улыбка Савелия становится загадочной, он не отвечает.

Мы утыкаемся в стену непроходимого молодняка. Стволы толщиной в руку растут слишком густо, не прорубиться. Мы идем вдоль них, словно по просеке. Здесь все исхожено крестьянами, тропа вьется – кажется, что она огибает выброшенные кем-то червивые сыроежки. Я вполглаза смотрю по сторонам, без цели, корзина почти полна. Савелий ведет меня домой.

Просека резко виляет в сторону, и я замираю, чудом сдержав крик. Прямо посреди тропы высится огромный гриб-альбинос, полностью белый от корней до самой макушки. Я сразу понимаю, что это за гриб. Породу его никто не знает, нет такой породы. Он появляется из-под снега каждую весну и торчит из года в год, ждет, что его срежут, словно в лица прохожим заглядывает. Но никто не рискует. Старики говорят, что не простой тот гриб, а грибной царь. Старикам верят, вот и не берут гриба, боятся. А как взять, когда стережет его сам Хозяин леса? Оно конечно, кто рискнет срезать грибного царя, тот вправе загадать заветное желание. Но если желание покажется Хозяину пустяком – жуткая гибель ждет гордеца. Вот и не хотят тревожить Хозяина леса. Живет он себе в самой чаше, в глубине болот, заплутавшими грибниками и охотниками пробавляется, и пусть его. Не буди лиха! Никто в лес без нужды не суется. Торговые люди собирают караваны, чтобы ехать из Велижа в Жижецк, а на ночь разворачивают табор. Один отец мой ничего не боится, ходит где хочет и когда хочет. Бают, что мир у него с Хозяином леса, потому не боятся князя Друцкие нечистой силы, да кто их, те байки, слушает. Только без страха правит батя своими угодами, затерянными среди лесов и болот, и смердов пускает на свои земли жить и кормиться. Растят они жито и коноплю, платят оброк чаще пенькой, чем хлебом, молятся богу да добрых князей Друцких благодарят. Отец продает ту пеньку купцам, богатеет, и всем хорошо. А что про нечистую силу болтают – так говорить не запретишь. Пусть себе говорят.

Вон и Савелий не боится Хозяина. Вот почему отец выбрал его в дядьки! Чудак человек, Хозяина не боится, а батюшку робеет.

Додумать мысль я не успеваю. Тропа приводит к канаве, через которую переброшены два бревна. Почти касаясь шершавой коры, торчит из земли отличный подосиновик. Я же тут проходил на прошлой неделе! Когда успел вырасти? Отправляю гриб в корзину, к собратьям, облепленным палыми листьями. Мне лень очищать от них грибы. В глаз мне попадает соринка, я часто моргаю. Лес словно срывает покров, и через набежавшую слезу я вдруг вижу целую полянку подосиновиков. Всего дел-то – пролезть под кустами. Я становлюсь на четвереньки и ползу, чувствуя, как цепкие ветки впиваются в ткань на спине. Особо вредная колючка добирается до кожи, но мне все равно, азарт охватил меня. Я набираю отличных, крепких, пахнущих летом грибов прямо в подол рубахи и, не разгибаясь, лезу обратно к Савелию. Как вдруг кто-то срывает с меня шапку! Закипая от гнева, я оглядываюсь в поисках обидчика. Савелий хохочет: шапка висит на ветке. Я тоже смеюсь, роняя только что собранные грибы в траву.

– А ты, княже, жадный, – говорит Савелий, отсмеявшись. – Мог бы и белкам оставить. Но я не чувствую себя виноватым.

– Не. Не жадный, а настойчивый. Должны же у меня быть качества, благодаря которым мои пращурсы стали князьями? – торжественно пересказываю слова отца.

Савелий хмыкает, расстилает холстину и высыпает содержимое моей корзины. Перебирает и ворчит:

– Зачем лопухов набрал? Дешевое тщеславие. Учю тебя, учю...

Гигантские шляпки подберезовиков слишком мягкие, они отваливаются от ножек и расползаются в руках.

Ой, не простой мужик Савелий! Словечками бросается не мужицкими. «Тщеславие». Разве так мужики говорят? У них короткие рубленые фразы, без красивостей. И слова короткие, из трех слогов, не более. «Лишний» слог смерды обычно глотают. У них «врона» вместо «ворона». Содержимого дядькиной корзины я не вижу, она аккуратно прикрыта холстиной от листопада. Видать, основательность – еще одна причина назначить Савелия мне в учителя.

Пока я ищу причины, дядька наводит порядок в моей корзине, и мы идем дальше. Тропа сливается с Королевской дорогой. Дорога заросла мхом, она брошена столетия назад. Меня тяготит молчание.

– А почему эту дорогу называют Королевской? – спрашиваю просто так, лишь бы что-нибудь спросить.

Савелий презрительно сплевывает:

– Ни короли, ни князья дорог не строили. А эта вообще странная: ведет из ниоткуда и упирается в реку, где нет и никогда не было моста.

Дядька идет сторожно, косится в сторону: ждет, когда снова появится наша тропа. Не нравится ему Королевская дорога. Тревога передается мне.

– Реку я тоже не люблю. Мужики окрестные обезрыбили ее, рыбачить на лесные озера ходить станем. Вот там улов! Караси – во! – обещает Савелий и показывает лопату-ладонь. – Чисто твои карпы с ярмарки.

Мы возвращаемся на тропу, лес снова другой. Палая листва покрыла землю и громко шуршит под ногами, забивает собой иные запахи. Сквозь кроны высоких деревьев на меня обрушивается солнечный свет. Осень близко, но солнце еще яркое, с радостью подставляю ему лицо.

– Шагай, шагай, княжич, – ворчит Савелий и добродушно подталкивает меня в спину. – Вот наступит Воздвиженье. Земля сомкнется, перестанет питать соками и грибы, и деревья, застынет. И нам на печь забиваться скоро. Синичку, что ли, завести?

Порыв ветра срывает с деревьев облако листьев. Они, медленно покачиваясь, опускаются на землю. Солнечный свет играет всеми оттенками осенних цветов: желтый, зеленый, коричневый, багряный... Пока облако не редет, я люблюсь им, задрыв голову.

Руки устают, и корзина становится неподъемной. Какое-то время я перекладываю ее из руки в руку, но в конце концов прижимаю к груди. Так и иду, вдыхая аромат грибов. Корзинка – с горкой! Я совершенно счастлив!

Сквозь строй деревьев виднеются крыши хат, но Савелий не хочет идти по околице. Ворчит:

– Все бы тебе хвастать добычей и дразнить крестьян!

Мы забираем в сторону. Справа от нас вереница баб возится среди пожухлой травы. Это бабий лес. В нем нет кустов, только сосновые стволы. И настоящих грибов тут нет, попадаются одни сыроежки, и те редко. Зато летом полно земляники, аж обувка краснеет. Сейчас для ягод не сезон, бабы, как и мы, вышли по грибы. Тут и там мелькают цветастые платки, бабы перекрикиваются звонкими голосами, чтобы не потеряться. У них маленькие нарядные корзинки, чтобы нести не тяжело было. Мы незаметно проскальзываем мимо.

– Дядька Савелий, а я у тебя заночую?

– Чего так?

– Братья воевать собрались, в Торопец поедут. За трапезой снова станут ныть, что король их не ценит, отец уделов не режет. А потом напьются и в сотый раз расскажут, как год назад отразили русский набег. Может, подерутся еще. Или песни горланить станут. Надоело. Скука. Не хочу я.

Савелий, прежде чем ответить, смотрит на небо. Выдавливает, словно нехотя:

– Ладно.

Но я вижу, что он доволен.

В лесной хижине уютно и тепло, в густой грибной дух вплетаются странные сладковатые нотки. Мед, что ли? Я с облегчением ставлю корзину на земляной пол, скидываю сапоги и валюсь на набитый сеном тюфяк в углу. Сразу же засыпаю, предоставив Савелию разбираться с «уловом».

* * *

– Княжич, вставай, беда! Бежать надо!

Савелий выглядит так, словно не ложился.

– Что стряслось?

– На замок напали!

Вскакиваю и бегу вслед за Савелием прямо сквозь заросли, ветки хлещут по лицу. Мне не больно. Велижский замок окружен огнями, слышен лязг оружия и амуниции. Солдаты. Бесшумными тенями мы проносимся мимо.

Почти сразу я понимаю, что оборона вот-вот рухнет. Слышу, как отец изрыгает проклятья с вершины замковой Вежи. Отборные ругательства заглушает звон мечей.

– Эх, холопы продали господ! – говорит Савелий и презрительно сплевывает под ноги.

Он резко останавливается, толкает меня в придорожную канаву, падает рядом сам. Мимо на рысях проносится отряд конных. Во главе меж двух факельщиков Ян Ильинич нетерпеливо стягивает с плеча лук. Дядька смотрит им вслед, вздыхает:

– Не выдюжит один князь Димитрий. Пошли, княжич!

Я хочу к отцу, но Савелий тянет меня в лес, к болоту. Иду к болоту.

Светает. Я покорно стою на кочке, проворный Савелий рубит молодые деревья и стелит гать. Иногда он бесцеремонно, как маленького, переносит меня с кочки на кочку. Я стараюсь пореже дышать. Болотная сырость заполняет грудь вязкой тяжестью, но Савелий не

обращает внимания на запах топи. Следующая кочка неустойчива, я с трудом удерживаю равновесие.

– Эх, Юрий, подвел я старого князя, – вздыхает Савелий, резко обернувшись ко мне.

Он смотрит на что-то за моей спиной, я хочу обернуться, но боюсь свалиться с кочки. Очень четко вижу, как лицо Савелия бледнеет, а из груди его вырастает треугольный наконечник. В глазах Савелия тоска, он поворачивается к болоту, словно хочет еще разок посмотреть на обманщицу топь, покрытую маняще свежей травой. Тяжело, словно дуб, дядька рушится, расплескивая лицом вязкую жижу. Из спины его торчит черно-белое оперение арбалетного болта. Белая серединка краснеет, пропитываясь свежей кровью, темное пятно медленно расплзается по старому кафтану. Я не отрываясь смотрю на секунду назад источавшее звериную силу тело, на могучего человека, разом превратившегося в беспомощную куклу, пока меня грубо опутывают толстой веревкой, плотно прижимая мне руки к бокам.

– Пшел, щеняка! – слышу я грубый приказ, сопровождаемый рывком веревки.

Наконец я отвожу взгляд от тела Савелия и вижу солдат в великокняжеских доспехах. Покорно иду обратно к замку.

Глава 3

Городская площадь Велижа залита слишком ярким для осени солнечным светом. Толпа теснится около помоста, освобождая благородным зрителям места поудобнее. В отличие от смердов, радующихся предстоящему зрелищу, благородные похожи на стаю кур, забившуюся под насест. Того и гляди заквохчут тревожно. Смешно, но мне не до смеха. На помосте стою я, связанный. По бокам двое дружинников, охраняют ли, стерегут ли – не понять. На другом конце помоста, тоже под охраной дружины, стоит связанный отец. Между нами – старое деревянное княжеское кресло. С балкона Вежи на нас смотрит роскошно одетый старик с короной на голове. На лице старика презрительная скука, вокруг него рыцари в богато убранных доспехах. Впервые я вижу великого князя литовского и короля польского Казимира Четвертого.

Высокий монах со стеклышками на носу поднимается на помост, встает перед нами и вслух читает с норовящего свернуться в трубочку пергамента. Трескучие фразы, составленные из знакомых слов, понятны не сразу, их жуткий смысл я постигаю постепенно.

– ...С божьей помощью... раскрыто участие князя Дмитрия из рода Друцких в заговоре казненных ранее Михаила Олельковича князя Слуцкого и Ивана Юрьевича Гольшанского. Оные князья... нарушив вассальную присягу... задумали убить Великого князя Литовского Казимира Ягайловича и захватить престол...

– Десять годков прошло с того, – слышу я ропот толпы, – или того больше!

Монах невозмутимо продолжает чтение:

– ...Найдено письмо... собственноручно князь Дмитрий подписью... подтверждает причастность к кругу заговорщиков... неопровержимое доказательство...

Мой отец? Заговорщик? Какое еще письмо? Я изо всех сил пытаюсь вспомнить, писал ли отец хоть что-нибудь, но не могу. И прибора у него не видел никогда, все писарь с собой носил.

– ...Князя Дмитрия Друцкого к смерти через отсечение головы... сынов Василия, Богдана, Андрея Друцких лишить уделов, отловить и взять под стражу для дознания, назначить наследником же всех земель рода Друцких... князя Юрия Дмитрича Друцкого...

Чтец перечисляет наши уделы, а я удивляюсь. Думаю, что ослышался. Не мог же он на самом деле это сказать! Меня – наследником всех земель? Зачем?

– ...Приговорить оного к ослеплению... за малолетством и немощью назначить опекуна... боярин Роман Ильинич Дречилуцкий... немало способствовавший раскрытию... представившего письмо... Друцкого Велижского в приснопамятном заговоре...

Так вон кто, оказывается, письмо «нашел»! Я в ярости сжимаю кулаки и встречаюсь взглядом с отцом. В глазах отца пустота. «К смерти через отсечение головы», «отловить и взять под стражу», «приговорить к ослеплению»... Неужели это – про нас? Слезы наворачиваются на глаза.

Толпа гудит. До меня долетают слова:

– Отомстить за родичей не сможет...

– А старшие князья Друцкие, в Луцке?

– При заложниках Дмитричах? Пока живы, будут тихо сидеть.

Монах, закончив читать, спускается за оцепление, где я вижу Савелия – живого! Кафтана на нем нет, белая рубаха сливается с бледным как мел лицом. Он шепчет на ухо монаху, и тот поворачивает голову, смотрит на Савелия пристально, с недоверием. Все же кивает, соглашаясь, что-то негромко говорит палачу. Подручные палача не медлят, усаживают меня на деревянное кресло, привязывают руки, ноги и голову веревками. Затыкают рот кляпом.

Один из них задирает мне веки, мажет липким и приклеивает их ко лбу так, что я не могу моргнуть.

Палач поднимает ослепительно сияющий медный щит с изображением нашего герба. Я смотрю, как солнце касается рельефного родового герба Друцких. «В червленом поле обращенный вниз острием меч серебряный», – мысленно произношу я. Палач ловит солнечный зайчик, направляет мне в левый глаз. «Меч с золотым эфесом, по обеим сторонам которого четыре полумесяца», – упрямо твержу я. Пробую моргать. Тщетно. Жгучая боль наполняет глаз, скулу, взламывает висок. «Четыре полумесяца, по два с каждой стороны», – повторяю я так, будто самое важное сейчас – это описание родового герба. Нестерпимо яркий свет проникает в мозг, со звоном лопаются там, рассыпаясь сотней иголок, и гаснет. Второй глаз полон слезами так, что я ничего не вижу, только ощущаю невыносимую пульсирующую боль внутри головы, за бровями. «Полумесяцы, обращенные рогами друг к другу!» – я изо всех сил сосредотачиваюсь на описании герба. Чувствую, как дрожит рука палача. Серебряный меч на червленом щите вспыхивает в последний раз, и меня окутывает бесконечная темнота. Я надеюсь потерять сознание. Чтобы перестать чувствовать боль. Чтобы не слышать звуков мира, который мне не суждено больше видеть. Но тщетно. Сквозь маету подступающего, но так и не наступившего беспамятства я слышу плач, бабий вой, выкрики из толпы. Дробный перестук застигает иные звуки. Сквозь боль я вслушиваюсь, силясь понять, что это, и понимаю, содрогнувшись. Это катится по доскам отрубленная голова отца. Князь Дмитрий Велижский, как положено Друцким, умер молча.

Грубые руки развязывают меня, ставят на колени, плещут в лицо водой. Я наконец могу смежить веки. Тьма под веками не совсем черная, скорее багровая. Цвета венозной крови.

* * *

– Вот твоя опочивальня, выродок!

Меня бесцеремонно толкают в спину, я пытаюсь удержаться на ногах, но спотыкаюсь и падаю на теплые живые тела. Это свиньи. Они визжат и шарахаются в стороны. Под ладонями моими сено и сухое свиное дерьмо. Я поднимаюсь и ощупью выбираюсь из свинарника.

– Сюда, княжич, сюда, – манит меня незнакомый голос.

Я иду на голос. Может, повезет, и удастся выбраться за ворота замка. Но надежды тщетные: мне ставят подножку, и я снова падаю. Со всех сторон раздается злобный смех. Сколько их? Я шарю руками по полу, пытаюсь понять, где нахожусь.

– Хватит, попили нашей кровушки!

– И чего боярин Роман решил, что мы за ним смотреть станем? Тьфу!

Плюют, похоже, в меня, но не попадают.

– А ну пшли вон, холопы! Разошлись по работам! – лязгает смутно знакомый голос.

Я силюсь узнать голос, но не могу. Оказывается, без глаз это трудно.

– Кто позволил глумиться над моим будущим зятем?

Вот, значит, кто на выручку пожаловал! Роман Ильинич, собственной поганой персоной. Чего ему быть добрым ко мне, сыну его стараниями убиенного князя?

– Ты! Стоять, пся крев. Умыть его! Одежду дать чистую. И чтобы – ни-ни у меня!

Мне помогают подняться.

– Не благодари, – говорит Роман Ильинич, это уже мне.

Гневные слова готовы сорваться с моих губ, но я закусываю их вместе с губами.

– Я могу приказать им ухаживать за тобой, но любить они тебя не будут, извиняй, – предупреждает будущий тесть, наклонившись к моему уху.

Любви холопов мне не надо. Я молчу.

– Хозяйство вести мой Янек тебе поможет, – продолжает Роман Ильинич. Меня передергивает, но я по-прежнему молчу.

– Друзей его, шляхтичей, посадим по вескам старостами. За твоими селянами смотреть надо. Старост одарим землей и людишками. Что скажешь?

– Скажу, что услышал, – брезгливо цежу я.

После пережитых унижений злость подступает к горлу.

– За мой счет меня же и пасти будут. Тьфу, курва-мать!

– Ишь, как ты заговорил, отрок, – ухмыляется, не таясь, боярин.

Издавка в его голосе слышится мне так же ясно, как возня поросят за стеной.

– Ну так слушай. Мы все умрем, кто раньше, кто позже, и о себе печься – последнее дело. Забочусь я о внуках своих, детях твоих. Кровь в них наша течь будет, твоя да моя, и удел у них будет крепкий.

Голос Романа Ильинича звучит искренне, но я не лыком шит.

– Ой, путаешь меня, боярин. Разве не Ян по мужеской линии всему наследник?

– Все мы под Богом ходим! Неведомо, кто первых внуков мне родит, кобель Ян или Зося от тебя! Сколько тех внуков будет? Сколько выживут? Вон у твоего батьки сколько сынов было, все ныл, что домен дробить придется, а чем кончилось? А? Грех на мне, по-твоему? Думаешь, знал я, что король княжичей в заложники возьмет?

Я чувствую колебание воздуха: боярин крестится, дышит тяжело, успокаивается. Трудно ему, бедняге. Эх, был бы у меня меч! На голос бы ударил, не пожалел бы паскуду предательскую.

– Не след тебе, княжич, со мной ссориться, – говорит вдруг Дречилуцкий устало. – Думаешь, отец твой ангел был? С крыльями? Мы соседи теперь, породнимся скоро. Княжеские заговоры, казни, войны усобные да измены – то промеж них всегда было. Ты на меня зла не держи! Я вассальную клятву королю принес и долг свой исполнил, и оправдываться в том не буду. Понял, щенок?

Роман Ильинич сочно сплевывает на пол. Я чувствую его жесткий взгляд, наверняка желваки гоняет.

– Ян по малолетству задирает тебя. Говорил ему, говорил, да что с него взять. Дурак! Но сейчас велю – смиренным будет. Ты только его не дразни понапрасну. Горяч больно. Ладно, ступай!

Легко сказать – ступай! Я всматриваюсь бесполезными слепыми глазами. Ни проблеска. Тьма кругом, вечная, непроглядная. Рука холопа трогает меня за рукав, тянет. Я послушно иду, куда ведут.

* * *

Жизнь слепца полнится один на другой похожими днями, и много таких дней протекло мимо жизни, пока не научился я передвигаться сам, сначала по замку, а после и за пределами его. Но еще больше времени утекло в черный песок будней, пока не стал я сам ходить по лесу и добрался, наконец, до места, ставшего болезненным наваждением и целью, подвигающую меня каждый день отходить все дальше и дальше от хорошо знакомого бабьего бора.

Вот он! Я, дрожа, обхватываю руками холодный ствол грибного царя. Смутная догадка плещется на дне души, но я не верю, все еще не верю. Достая нож и пытаюсь перерезать ножку альбиноса. Повторяю, как заведенный: «Глаза! Глаза, верни мне глаза! Верни!» Но все напрасно, и лезвие скользит, оставляя неглубокие царапины. Врут старики: и ножка, и шляпка грибного царя выточены из мрамора, чистого, холодного и бесполезного. Привет из прошлого, забытый в лесу неведомыми предками, не может вернуть мои глаза. Древнее чудо оказалось обманкой. Я стою на коленях и плачу посреди потрепанного поздней осенью леса.

Я бреду через лес, шуршу листьями. Даже ноги специально подволакиваю, чтобы шороху было больше. Пахнет ночными заморозками, но не этот запах манит меня. Из-за голых деревьев доносится запах ржавого железа. То появляется, то исчезает. Я иду на ветер! Постукивая посохом по гулким стволам, я бреду вперед. Никто не следует за мной. Впервые после гибели отца я чувствую себя свободным.

Вот это место. Я его помню. Ажурный мостик – из ниоткуда в никуда, и никакой дорожки возле. Краска полностью облезла. Когда я трогаю узоры, мне кажется, что они заржавели настолько, что вот-вот зашуршат, как вязанки сухого папоротника у жилища Савелия. На мостике приятно сидеть, свесив ноги. Там внизу – топь. Адова топь.

Блеклое октябрьское солнце пробует согреть. Подставляю ему лицо. У людей для меня больше нет тепла. Тепло осталось только у солнца, ослепившего меня. Я помню, что болото красиво своей особой красотой. Вода наверняка покрыта ряской, плотной, ярко-зеленой. Местами из-под воды торчат облепленные темной глазурью сучки. Ничто не нарушает покой Адовой топи. Ни лягушки, ни водомерки не водятся здесь. Топь мертвецки неподвижна. По всему болоту, чем дальше – тем чаще, торчат черные, лишенные листьев стволы деревьев. Величественные, как стражники по краям дороги. Дороги в преисподнюю. Но всего этого я не вижу, могу только угадывать. Не увижу уже никогда, так будет точнее.

Отец и мать заждались меня на том свете. Пойду им навстречу по небесной дорожке, а они руки протянут, встретят. Жаль, руки на себя наложить – грех, разминусь с родителями. Боюсь. Вот бы погибнуть, как хотел, но не смог умереть отец – с мечом в руках.

– Что ты тут делаешь, княжич?

Савелий не здоровается, но я чувствую за спиной его тяжелый сладковатый запах. Не отвечаю, сижу и слушаю, как дядька сипло дышит. Наслушавшись, спрашиваю:

– Как ты сумел выжить, Савелий?

– Болт оказался слишком короткий, перебил ребро и застрял, – быстро отвечает дядька.

Облегчение, с которым он выдает заготовленный ответ, выдает ложь. Только я и так бы не поверил, слишком хорошо рассмотрел высунувшийся из груди Савелия наконечник болта.

– Просто сижу, – меняю я тему.

– Ты знаешь, Юрий, что впереди тебя бездна?

– Знаю, но я не вижу ее.

– Зато она видит тебя.

Мы молчим. Я слышу, как Савелий переминается с ноги на ногу, и жду, что он сядет рядом.

– А что ты видишь, княжич?

Он ногтем срывает с моих глаз повязку. Я задираю голову к небу.

– Мне кажется, что я вижу солнце.

Дядька довольно сопит, а потом вкрадчиво над самым ухом уточняет:

– А что ты видишь впереди?

Я незрячими глазами всматриваюсь туда, где должна быть топь. Так не может быть, но я на самом деле кое-что вижу.

– Я вижу изумрудную дорогу.

Теперь Савелий уже не доволен. Наоборот, судя по прерывистому вздоху, он расстроен.

– Я тоже ее вижу, княжич...

– И ты потому боишься сесть рядом со мной?

– Боюсь, – соглашается дядька, и в его голосе слышится облегчение.

– Расскажи мне сказку, дядька Савелий, – прошу я.

– Какую?

Он обрадовался, что я не прошу садиться со мной рядом.

– О тех, кто построил этот мостик и гриб.

– Я не люблю эту сказку, – отвечает Савелий и снова мрачнеет.

Меня забавляет легкость, с которой я читаю перемены в его настроении.

– Почему?

– Потому что она – быль.

– Пожалуйста... – прошу я еще раз и добавляю в голос немного мольбы.

Что бы ни пришлось мне пережить, для Савелия я навсегда останусь мальчиком, воспитанником. Которого можно пожалеть, а можно наказать.

– Ладно, слушай.

Савелий грузно опускается на мостик неподалеку от меня так, что тот жалобно скрипит.

– Давным-давно в этих краях были два огромных озера. Задолго до того, как варяги освоили волок.

– Волок?

– Смерды называют его Королевской дорогой. Помнишь такую? Простой народ любит приукрашивать. Давным-давно варяги волокли здесь свои суда, даже старики не помнят, когда.

– Зачем это варягам?

– Как зачем? Затем же, зачем большинство путей проложено. Для торговли! Смотри. Ловать течет на север. Двина – на запад. Здесь купцы варяжские перетаскивали ладьи из Ловати и Двины в Днепр, чтобы идти дальше на юг, к грекам. Малых рек да озер здесь хватает, волоки были недлинные. На севере от озер стояли селенья словен ильменских, на юге – кривичей. На берегах озер жили племена еще древнее, чем словене и кривичи, и все были счастливы богатеть чужой торговлей.

Савелий замолкает ненадолго. Я не тороплю его, жду, пока слова улягутся, сложатся в рассказ. Дядька откашливается и продолжает.

– Словене курганы строили, кривичи курганы строили, а озерные люди не строили курганов. Головами у них были не князья, а волхвы, жрецы древних богов. Князья в те времена от простых воинов мало чем отличались. Они созывали дружины, а богатые озерные волхвы нанимали их против разбойников. Люди боялись богов, а волхвы умели говорить с богами. Дождь умели вызывать, замирать волны.

– Волны? Зачем?

– На озерах тех всегда были волны, оттого называли их морем. Иногда волны бывали сильные. Ступаешь по берегу, а волны приходят и заливают твои ноги...

Савелий снова замолкает, а я представляю себе картину. Выходит смешно.

– А потом?

– А потом люди прогневали древних богов, и два больших озера ушли в землю. Осталась топь, без края и без дна. Вот эта.

Савелий шевелится так, что мосток трещит под ним. Жаль ему озер.

– А чем прогневали?

– Изменой. Однажды князь кривичей не ушел со своей дружиной, а решил убить верховного жреца, дабы занять его место. У волхва было капище – гигантский дуб на обрывистом берегу, посеред двух озер. Он очертил то капище волшебным кругом, через который никто не мог пройти. И оттуда проклял князя, и дружину его, и весь народ его на веки вечные древним проклятьем. Дуб рухнул в озеро вместе с волхвом. Исчез под водой жрец, исчез дуб, а потом ушли в землю и сами озера. Осталась только топь и несчастные нищие смерды, лишенные милости богов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.